

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2016.5.7>

UDC 94(495).02+821.14'03
LBC T3(0)4-9

Submitted: 17.08.2016
Accepted: 16.09.2016

THE IMAGES OF WAR IN THE BYZANTINE HISTORICAL LITERATURE OF THE 10TH CENTURY: NIKEPHOROS OURANOS ¹

Karina R. Kapsalykova

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russian Federation

Abstract. The reign of Basil II is considered by historians to be the time of the highest military and political power of Byzantium in modern historiography. Despite this fact, many issues connected with the period of 976-1025 remains poorly studied. The article is devoted to viewpoints on war, army, imperial service, presented in the Nikephoros Ouranos's works. Nikephoros Ouranos was a confidant of Basil II. The historical sources of the present research include the *Tactics*, hagiographical essay *Theodorus tiro Vita et martyrium (BHG 1762m)*, as well as Nikephoros Ouranos's correspondence. The author of these works had been one of the inner circle members of Basil II for a long time. He occupied the highest positions in civil and military authorities of the empire: kanikleios, domestikos of the scholai of the West, doux of Antioch. According to the author of article, military and theoretical views of Nikephoros Ouranos corresponded to the basic principles of the Byzantine polemological tradition. He thought that the outcome of military operations depended on ability and experience of the military commander. In the *Tactics* the author insisted on the commanders' responsibility for complex training of soldiers and their adaptation to various military situations. His interest to individual training of soldiers, to their weapon possession, is confirmed by the detailed description of a duel in the *Theodore Tyron's Life*. In personal correspondence magistros Nikephoros Ouranos seldom addressed to military subject. However in some letters he wrote about burdens of military campaigns and used various stylistic figures and examples from antique mythology. According to the author, viewpoints of Nikephoros Ouranos on war and military service allow to claim that immediate environment of Basil II exerted impact on formation of military policy of Byzantium.

Key words: Byzantium, Byzantine army, Byzantine literature, Basil II, Nikephoros Ouranos, military art, military policy.

УДК 94(495).02+821.14'03
ББК ТЗ(0)4-9

Дата поступления статьи: 17.08.2016
Дата принятия статьи: 16.09.2016

ОБРАЗЫ ВОЙНЫ В ВИЗАНТИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ X в.: НИКИФОР УРАН ¹

Карина Рамазановна Капсалькова

Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург, Российская Федерация

Аннотация. Правление Василия II в историографии принято считать временем наивысшего военно-политического могущества Византии. Несмотря на это, многие вопросы, связанные с периодом 976–1025 гг., остаются малоизученными. В статье рассматриваются взгляды на войну, армию, императорскую службу, представленные в сочинениях Никифора Урана, доверенного лица Василия II. Источниками исследования являются «Тактика», агиографическое сочинение *Theodorus tiro Vita et martyrium (BHG 1762m)*, а также письма Никифора Урана. Автор этих сочинений длительное время входил в ближайшее окружение Василия II, служил на высших должностях в гражданской и военной администрации империи: каниклий, domestik схол Запада, дука Антиохии. По мнению

автора статьи, военно-теоретические воззрения Никифора Урана соответствовали основным принципам византийской полемологической традиции. Он считал, что исход военных действий зависел от умения и опыта полководца. В «Тактике» Никифор Уран настоятельно требовал от командиров обеспечить всестороннюю подготовку рядовых солдат к различным боевым ситуациям. Его интерес к индивидуальной подготовке воинов, их умению владеть оружием, подтверждается подробным описанием поединка в Житии Феодора Тирона. В личной переписке Никифор Уран редко обращался к военной тематике. Однако в некоторых письмах он, используя различные стилистические фигуры и примеры из античной мифологии, пишет о тяготах военных походов. По мнению автора, воззрения Никифора Урана на войну и военную службу позволяют утверждать, что окружение Василия II оказывало влияние на формирование военной политики Византии.

Ключевые слова: Византия, византийская армия, византийская литература, Василий II, Никифор Уран, военное искусство, военная политика.

История Византии середины X – середины XI в. представлена в современной историографии как период военно-политического могущества, экономического подъема и культурных достижений. Особое значение для усиления византийского государства имело правление императора Василия II. В 976–1025 гг. были проведены многочисленные преобразования в сфере гражданского и провинциального управления, а также завершена военная реформа, начатая при Никифоре II Фоке (963–969) и Иоанне I Цимисхии (969–976). В результате укрепления императорской власти и мобилизации внутренних ресурсов Византии были достигнуты значительные внешнеполитические успехи. К 1025 г. к империи были присоединены обширные территории на Балканах, в Северной Сирии и Закавказье [4, с. 134–147; 14, р. 16–29].

Несмотря на длительное правление, в исторических хрониках XI–XII вв. Василию II уделяется незначительное внимание. Единственным исключением является «Обозрение истории» Иоанна Скилицы, где содержится подробный рассказ о периоде 976–1025 годов [16, р. 254–259, 314–369; 1, с. 101–103]. Тексты, специально посвященные прославлению блестящего царствования Василия II, до нашего времени не сохранились. По мнению М. Лаукстерманна, в первой четверти XI в. составлять панегирики было некому. Однако в отсутствии восхваляющих императора литературных произведений виновен был он сам, так как «показал полное презрение к интеллектуалам... и вместо панегириков мы слышим полную тишину» [18, р. 214].

Следует отметить, что точка зрения М. Лаукстерманна опирается, прежде всего, на весьма субъективную характеристику, данную

Михаилом Пселлом императору Василию II. Автор «Хронографии» писал, что василевс пренебрежительно относился к своим подданным. Когда Василий II стал старше и опытнее, то сам принимал все решения, командовал армией, распоряжался гражданскими делами, управлял по законам, установленным им самим. Необыкновенно одаренный от природы, он не обращал никакого внимания на ученых мужей, совершенно ими пренебрегая [22, р. 40–42, 29.3–13]. О ближайшем окружении императора Пселл отзывался крайне негативно. По его словам, Василий II окружил себя людьми низкого происхождения, лишенными мудрости и несведущими в науках. Он поручал им составление царских посланий и доверил государственные тайны [22, р. 42–44, 30.9–11].

Подобное отношение Михаила Пселла к Василию II объясняется тем, что политическая группировка, к которой он принадлежал, была тесно связана с «придворной партией» паракимомена Василия Лакапина. Этот могущественный государственный деятель возглавлял гражданское управление Византии при Никифоре Фоке, Иоанне Цимисхии и в первое десятилетие правления Василия II. Однако в 985 г. император обвинил Лакапина в «негодном управлении» и отправил в отставку. В последующие годы из армии, провинциальной администрации и центральных бюрократических структур были изгнаны многочисленные сторонники паракимомена. Освободившиеся должности занимали лично преданные Василию II представители столичной и провинциальной знати. В итоге, к 996 г. император установил полный контроль над государственным аппаратом и вооруженными силами [3, с. 43–45].

Недовольство сторонников Василия Лакапина, лишившихся должностей, имущества,

доходов и привилегий, вполне объяснимо. Тем не менее открыто критиковать внешнюю или внутреннюю политику Василия II они не решались даже после его смерти. Именно поэтому попавший в опалу Иоанн Геометр, как и Михаил Пселл, обвинял не самого императора, а его окружение. По словам бывшего армейского командира, «в славные былые времена», то есть при Василии Лакапине, высокие посты при дворе и в войске занимали только самые талантливые и образованные. Теперь же, по вине бездарных чиновников и неопытных полководцев, не имеющих должного образования, «государство лежит в руинах» [17, р. 369–370].

Точка зрения, согласно которой Византия при Василии II представляла собой «государство без интеллектуалов», встретила обоснованные возражения ряда византинистов. В первую очередь оппоненты М. Лаукстерманна обратили внимание на то, что свидетельства Михаила Пселла довольно противоречивы. В частности, автор «Хронографии» писал, что несмотря на презрение императора к «ученым мужам», в те годы появилось много философов и риторов. Объяснение этому, по словам Пселла, было только одно: науками тогда занимались ради них самих, а не с другой посторонней целью [22, р. 42, 29.14–18]. Л. Андриолло считает, что необходимо учитывать сведения других источников, тогда полученная картина станет более точной и сбалансированной. По ее мнению, духовная атмосфера правления Василия II была полностью созвучна предыдущему периоду. В конце X в. среди гражданских чиновников и армейских офицеров было достаточно много людей, получивших классическое образование. Прежде всего, они создавали богословские и агиографические литературные произведения, так как эти жанры стали «модными» в это время [6, р. 136].

Среди военачальников и гражданских чиновников, входивших в ближайшее окружение Василия II, наиболее значимой фигурой следует считать магистра Никифора Урана (Νικηφόρος ὁ Οὐρανός). Он происходил из знатной столичной семьи, получил хорошее образование, современники считали его знатоком и почитателем греческой мифологии и классической литературы [15, р. 39, 45]. Бу-

дучи разносторонней личностью, Никифор Уран интересовался риторикой и философией, в круг его общения входили Симеон Метафраст, основатель Великой Лавры прп. Афанасий Афонский, патриарх Антиохии Иоанн III, митрополит Никомедии Стефан, митрополит Синады Лев, Филит Синадин и др. [6, р. 137].

Так как семья Уранов была тесно связана со столичными бюрократическими структурами, около 970 г. Никифор начал свою служебную карьеру в императорской канцелярии. За десять лет ему удалось сделать блестящую карьеру, получив титул патрикия и должность личного секретаря императора (ἐπί τοῦ κανικλείου, каниклий). В первой половине 980-х гг. Никифор Уран дважды посетил с дипломатической миссией Багдад, где вел переговоры о возвращении в Византию бежавших к арабам участников мятежа Варды Склира. После возвращения в Константинополь, ок. 986 г., Никифор получил титул магистра. Он принимал самое активное участие в политической борьбе со сторонниками Василия Лакапина, а также в реформировании столичных органов гражданского управления Византии [3, с. 44–46].

Не вызывает сомнения, что Никифор Уран входил в число ближайших советников Василия II, которым император доверял самые сложные и важные государственные дела. Об этом свидетельствует, в частности, назначение Никифора светским эпитропом лавры Афанасия на Афоне. По традиции покровителями афонского монашества являлись сами императоры. Однако Василий II не последовал примеру своих предшественников Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия. По всей видимости, он отклонил просьбу Афанасия из-за поддержки, которую афонские монастыри оказывали мятежнику Варде Фоке [5, р. 19–20]. В итоге, по распоряжению императора эпитропом стал «любящий Христа и монашество почтенный патрикий и каниклий Никифор» (φιλόχριστον καὶ φιλομόναχον Νικηφόρον τὸν ἐνδοξότατον πατρίκιον καὶ ἐπί τοῦ κανικλείου) [21, S. 125.22–24]. Следует отметить, под влиянием своего наставника Симеона Метафраста Никифор Уран вел скромный, почти монашеский, образ жизни. Поэтому он весьма серьезно относился к новой обязанности, и вплоть до смерти Никифора лавра св. Афана-

сия имела надежную защиту и покровительство в Константинополе. Память об этом сохранялась долгие годы. Известно, что в 1052 г. афонские монастыри, которые подверглись притеснению со стороны архонтов дуката Фессалоника, просили Константина IX Мономаха (1042–1055) вновь назначить им влиятельного покровителя, каким был магистр и каниклий Никифор (τῷ μαγίστρῳ Νικηφόρῳ καὶ ἐπὶ τοῦ κανικλείου) [5, p. 191, no. 31.16–17].

В 996/997 г. карьера Никифора Урана на гражданской службе совершенно неожиданно завершилась. Это произошло после неудачного столкновения византийских войск с армией болгарского царя Самуила (976–1014) под Фессалоникой. Иоанн Скилица писал, что получив известие о гибели в этом сражении дуки Фессалоники магистра Григория Таронита, Василий II назначил магистра Никифора Урана domestиком схол Запада (πάσης δύσεως ἄρχων ὁ μαγίστρος Νικηφόρος ὁ Οὐρανός) [16, p. 341.23–24]. Несмотря на то что ранее Никифор никогда не командовал войсками и не принимал участия в военных походах, ему удалось заставить болгар отступить из Фессалии. Боевые действия переместились южнее, на территорию фемы Эллада. В 997 г. византийская армия уничтожила войско Самуила в ночном сражении на р. Сперхей (πотаμόν τοῦ Σπερχεῖου), недалеко от крепости Ламия [16, p. 341.23–342.51].

Победа на р. Сперхей имела большое значение для общего хода византийско-болгарской войны. Однако для рассматриваемой нами темы более важным является другой аспект. Разгром войск Самуила сделал Никифора Урана знаменитым, прославленным военачальником. На некоторое время он оказался в центре внимания военно-политической и церковной элиты Византии. В частности, митрополит Синады Лев, который в 997 г. находился с дипломатической миссией в Италии, направил Никифору Урану поздравительное послание. Характерно, что о самом сражении в письме почти не говорится. Лев Синада писал о возможных последствиях этого события для своего давнего друга: «Известие о Вашей победе, великолепный стратиг (θαυμάσιε στρατηγέ), разнеслось по всей Италии, а затем достигло отдаленных мест в Галлии и Испании (κατὰ τὴν Ἰταλίαν πᾶσαω... κατὰ

αὐτὰς τὰς Γαλλίας, Ἰσπανίας). В свои шестьдесят лет я не знаю и не слышал ничего равного этому. Однако те, кто старше меня, несомненно, станут утверждать, что уже видели подобное. Эти болтливые старики начнут хвалиться тем, что происходило в старые времена. <...> Вы уже поступили как человек действия, а теперь, как мудрый человек, сумеете избежать зависти и неодобрительных взглядов. <...> Я молюсь, чтобы Вы достигли старости таким же здоровым и совершенным» [8, p. 22, ep. 13].

По нашему мнению, предположение М. Винсон о том, что упоминание в письме «стариков» и «старых времен» следует понимать как намек на победы, одержанные византийскими войсками под командованием императоров Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия, является ошибочным [8, p. 102–103]. Никифор Уран не был настолько тщеславным, чтобы попытаться сравниться с этими выдающимися военачальниками. Однако вряд ли магистр и domestик схол Запада, как полагает американская исследовательница, ощущал «чувство неполноценности» при общении с военными, своими современниками. Единственным человеком, которому он должен был доказать свою способность командовать войсками, являлся Василий II.

Следует отметить, что в письмах самого Никифора Урана император упоминается неоднократно. Например, в послании митрополиту Никомедии и патриаршему синкеллу Стефану он считал необходимым специально подчеркнуть, что является верным слугой императора, честно исполняющим свой долг, а василевс щедро вознаграждает его за службу [11, p. 219–220, ep. 5.14–17]. В другом письме, также адресованном Стефану, Никифор Уран вновь упомянул об императоре. Известно, что это послание было отправлено вскоре после завершения очень сложного и опасного похода в Сирию летом 999 года. По словам автора, войско с трудом выдерживало тяготы военной кампании. Основная заслуга в том, что боевые действия завершились победой, принадлежала Василию II, который разделял все трудности и лишения наравне с остальными [11, p. 245, ep. 47.1–4].

Примечательно, что Никифора Урана связывала с митрополитом Никомедии мно-

голетняя дружба. Поэтому неверно считать, что в частных посланиях Никифор лукавил или старался ввести Стефана в заблуждение. По всей видимости, он действительно был предан Василию II. Император же, в свою очередь, доверял Урану, и давал ему самые ответственные поручения. В 999 и 1000/1001 г. он сопровождал василевса в военных походах в Сирию и Закавказье. Кроме того, с 999 по 1007 г. магистр Никифор Уран занимал должность дуки Антиохии (τὸν μάγιστρον Νικηφόρον τὸν Οὐρανὸν ὁ βασιλεὺς ἄρχοντα Ἀντιοχείας ἐπέμπει) [16, р. 345.35–37]. При Василии II, который не назначал доместиков схол Востока, это был высший административный пост в восточной части империи [3, с. 46–48].

Помимо военной и административной деятельности, Никифор Уран занимался литературным творчеством. В первое десятилетие XI в. им было написано несколько агиографических и поэтических произведений. Наиболее известными из них являются «Житие прп. Симеона Столпника Дивногорца» (Symeon stylites iunior in monte Mirabili Vita; BHG 1690) и «Житие и мученичество св. Феодора Тирона» (Theodorus tiro Vita et martyrium; BHG 1762m) [13, р. 308–310]. Кроме этого, к антиохийскому периоду относится 50 писем Никифора Урана, изданных Ж. Даррузе [11, р. 217–248]. В последние годы жизни он, по поручению императора, составил объемную компиляцию из античных и византийских военных трактатов, получившую название «Тактика Никифора Урана» [10, р. 371–373].

Несмотря на компилятивный характер, «Тактика» представляет значительный интерес для изучения истории византийского военного искусства. В.В. Кучма писал: «Говоря о значении “Тактики Никифора Урана” в истории военной литературы, нужно иметь в виду, что это последний по времени, самый полный свод сведений военного характера, по существу военная энциклопедия, завершающая многовековое развитие византийской военной науки. В этом плане, казалось бы, самые отрицательные черты данного сочинения – крайняя несамостоятельность, слепое следование оригиналу – оборачиваются своеобразными достоинствами: трактат воспроизводит содержание многих военных сочине-

ний, ныне полностью утраченных или дошедших до нас во фрагментах» [2, с. 294].

К сожалению, полностью текст «Тактики Никифора Урана» пока не опубликован. Фрагменты этого объемного сочинения, состоящего из 178 глав, сохранились в двух десятках рукописей. По мнению французского исследователя А. Дэна, первые 55 глав представляют собой почти дословное воспроизведение текста «Тактики Льва»; главы с 56-й по 74-ю являются переработанным и дополненным пересказом трактата Praecepta Militaria, авторство которого приписывается Никифору Фоке; главы 75–178 – это компиляция трудов древнегреческих полиоркетиков. Первые 40 глав «Тактики Никифора Урана» были изданы венгерским историком Р. Вари, главы 56–65 опубликовал американский византист Э. Макгир, а главы с 63-й по 74-ю – французский исследователь Ж.-А. Фуко [10, р. 371; 20, р. 88–162; 12, р. 281–312].

Неопубликованной остается значительная часть трактата, в которую входят фрагменты античных военно-теоретических сочинений. Представление о том, произведения каких древних авторов были использованы Никифором Ураном, можно получить из заглавия рукописи «Тактики», хранящейся в музее Топкапы в Стамбуле (Cod. Constantinopolitanus gr. 36): Τακτικὰ ἤγουν στρατηγικὰ Ἀριανοῦ, Αἰλιανοῦ, Πέλοπος, Πολυαίνου, Ὀοσάνδρου, Ἀλκιβιάδου, Ἀρταξέρξου, Συριανοῦ, Ἀνίβα, Πλουτάρχου, Ἀλεξάνδρου, Διοδώρου, Δίωνος, Πολυβίου, Ἡρακλείτου, Μαυρικίου, Νικηφόρου καὶ ἄλλων τινῶν, συλλεγὲν παρὰ Νικηφόρου μαγίστρου τοῦ Οὐρανοῦ ἀπὸ πολλῶν ὡς εἴρηται ἱστορικῶν ἐν ἐπιμελείᾳ πολλῇ [10, р. 371]. Соглашаясь с приведенной выше характеристикой «Тактики», данной В.В. Кучмой, обратим внимание на то, что автор компиляции должен был хорошо знать произведения античных военных теоретиков. Судя по приведенному списку, Никифор Уран использовал сочинения Флавия Арриана, Элиана Тактика, Полиэна, Онасандра, Плутарха, Диодора Сицилийского, Полибия, Диона Кассия, а также византийских императоров Маврикия и Никифора Фоки.

Широкое использование Никифором Ураном произведений античных полиоркетиков

подтверждает сложившееся в историографии представление о нем, как об одном из наиболее образованных людей своего времени. Однако актуальным является вопрос о практической значимости «военной энциклопедии», составленной Никифором. С этой точки зрения наиболее важной частью «Тактики» следует считать главы 56–65, которые содержат существенно переработанный и дополненный текст трактата *Præcepta Militaria*. Изменения, внесенные Никифором Ураном, позволяют получить представление о личном военном опыте этого византийского военачальника. Э. Макгир, который выявил основные различия в текстах двух военных трактатов, писал: «Рекомендации Никифора Урана по организации осады городов представляют собой набор практических методов, которые применялись в его время. <...> Более ранние тексты по осадной технике и тактике Никифор Уран не считал устаревшими. Напротив, они являлись для него полезными источниками информации, из них заимствовались идеи, позволяющие решить военную задачу более эффективно и в более короткие сроки» [19, р. 138].

В целом военно-теоретические воззрения Никифора Урана соответствовали основным принципам византийской полемологической традиции. По этой причине в «Тактике» отсутствуют философские рассуждения о войне, значимости армии для государства и общей стратегии ведения боевых действий. Автор предпочитает давать конкретные рекомендации, которые могли быть реализованы командным составом императорской армии на практике. В частности, это касается различных способов преодоления водных преград [10, р. 373]. Несомненно, что в этом случае Никифор Уран опирался на личный боевой опыт. Прославившая его победа над болгарами в 997 г. была бы невозможной без скрытной переправы части византийских войск через р. Сперхей.

Автор уделяет большое внимание подготовке войска к походу. По его мнению, за исход военной кампании полностью отвечал командующий. Среди прочего, он нес ответственность за подготовку своих воинов: «Обучать стратиотов необходимо так, чтобы они были готовы к любому бою» [20, р. 88.5–7]. Перед тем как начать военную кампанию, надлежало собрать достаточные запасы продо-

вольствия, фуража и вооружения. Там, где это возможно, сухопутную армию должен был поддерживать военный флот. На территорию противника следовало отправить лазутчиков, которые должны были сообщать командованию византийской армии о планах врага [20, р. 142]. Целью большинства военных экспедиций, по мнению Никифора Урана, являлось овладение городами или важными крепостями противника. По этой причине автор уделяет особое внимание осадным приемам. В первую очередь он рекомендовал обезопасить свои войска, с этой целью необходимо было построить один или два хорошо укрепленных лагеря. Возведя полевые укрепления, следовало полностью блокировать осажденного противника, не допуская получения им подкреплений и продовольствия. В дальнейшем предполагалось измотать силы врага мелкими стычками, одновременно выявляя наиболее слабые участки его обороны. После проведения всех этих мероприятий, по мнению автора, можно было начинать штурм [20, р. 152–162]. Следует отметить, что перечисленные тактические приемы не были новыми. Они применялись византийскими военачальниками в походах против арабов и болгар с VIII–IX веков. Обычно данная тактика, при условии грамотного выполнения командирами всех предписаний, приводила к победе.

В «Тактике» большое внимание уделено морально-психологической подготовке солдат и командиров. Опираясь на текст *Præcepta Militaria*, Никифор Уран перечисляет методы, позволяющие уменьшить страх воинов перед битвой, способствующие сплочению войска и т. д. Он утверждает: «На войне не следует терять голову от страха, необходимо действовать спокойно» [20, р. 104.145–146]. Однако он хорошо понимал, что подобных увещаний может оказаться недостаточно, особенно если в войске много новобранцев. Поэтому Никифор советовал прибегать к старому, но эффективному средству: «стратигам для поддержания боевого духа подчиненных необходимо раздавать обещания, награды и подарки» [20, р. 156.55–57]. Одновременно с этим автор «Тактики» был хорошо знаком с византийской военной историей. Поэтому он неустанно напоминал о необходимости соблюдения строгого порядка: «лучше, чтобы было объявлено заранее, как делали еще

древние – за любое нарушение дисциплины, допущенное в условиях войны, последует наказание» [20, р. 102.94–95].

Одним из средств поддержания высокого боевого духа Никифор Уран, как и автор *Præcepta Militaria*, считал обращение к религиозным чувствам солдат [9, р. 6668]. Он писал: «Когда враг приближается, то вся наша армия, вплоть до последнего, должна произнести необоримую молитву христиан: “Господи Иисусе Христе, помилуй нас. Аминь”. Так, пусть армия пойдет в боевом порядке против врага, спокойно, в привычном темпе, и пусть не будет слышно вообще никакого звука или выкрика из наших рядов. Когда перестанут звучать трубы, стратиготы должны повторять: “Господи Иисус Христос, Бог наш, помилуй нас” и “Придите на помощь к нам, христиане, и сделайте нас достойными бороться до смерти за нашу веру и, братья, укрепите наши души и наши сердца, и все наше тело, ведь в руках Всевышнего все сражения. Благодарим заступницу нашу, Пречистую Матерь Божию и всех святых, Аминь”» [20, р. 126.165–172]. О том, насколько большое значение Никифор Уран придавал совершению религиозных обрядов, свидетельствует еще один отрывок из «Тактики»: «Вы должны объявить стратигам, архонтам, и остальным, что в часы вечерни и утрени... священники будут читать литанию от имени армии: “Господи, помилуй” до ста раз с преданностью и страхом Божьим... Пусть никто не посмеет сократить время молитвы ради любого другого дела, что бы ни случилось. Если появится всадник (кавалларий) или простой стратигот на коне, то пусть немедля спешит и станет в страхе Божьем лицом на Восток на том месте, где застало его начало молитвы... Если кто-то не убоившись Бога нарушит святость молитвы, то должно провести его через весь лагерь, наказать побоями, понизить и в должности, и в ранге» [20, р. 140.95–111].

Определенное внимание в «Тактике» уделяется вопросам, связанным с вооружением византийских воинов. Например, вооружению тяжелой кавалерии, предназначенному для ближнего боя. Здесь же автор упоминает об основном тактическом приеме, который катафракты должны были использовать в сражении: разрушать единство боевого построения противника и уничтожение его по частям [20, р. 128.209–214].

Обратимся к эпистолографическому наследию Никифора Урана. Итальянская исследовательница Л. Андриолло отмечает: «Среди ближайших соратников Василия II мы видим ученого военачальника (*learned general*) Никифора Урана. <...> Его письма отличаются изящным стилем и подражанием древним образцам, они наполнены ссылками на классическую литературу и мифологию» [6, р. 136–137]. Данная характеристика является достаточно точной, но требует дополнения. Несмотря на то что Никифор Уран занимал высшие военно-административные должности империи, адресатами его писем были исключительно гражданские чиновники, церковные иерархи и служащие придворного ведомства. Ни одного послания, адресованного военачальникам или же специально посвященного военной проблематике, не сохранилось.

В письмах Никифор Уран иногда сообщал подробности военных кампаний, в которых ему довелось участвовать. Например, весной 1001 г., когда Василий II возвращался из удачного похода в Закавказье, он писал препозиту сакеллы патрикию Льву: «Мне некогда ни спать, ни говорить... Мы быстро приближаемся к Антиохии. Теперь вся Иверия, ранее принадлежавшая Давиду Куропалату, с Божьей помощью, перешла под власть императора» [11, р. 226, ер. 19.3–8].

Особого внимания заслуживает письмо, адресованное митрополиту Никомедии Стефану. Ценность данного текста заключается в том, что он предоставляет редкую возможность увидеть повседневную жизнь византийского военного лагеря. Никифор писал: «Пусть другие рассказывают тебе о прибыли и роскоши, что приносит с собой война. Говорю тебе, что вокруг нас только разнообразные мучения. Дневные утомительные заботы без вина, без средств существования и ночные переходы. “Звуки свирелей и флейт, неумолчный шум людской” не прекращаются даже тогда, когда надлежит спать. Мы едим хлеб, вернее, камень, сделанный наподобие хлеба, настолько твердый, что об него ломаются зубы, болит все тело. Но мы в один присест, словно Кронос, заглатываем эти перепеченные ломти. Мы страдаем от болезней желудка, подвергая себя множеству опасностей. Продолжая, я упомяну о веренице забот и

множестве поручений, препирательствах, ревности и вражде, об ужасах и опасностях, блужданию туда и сюда, волнении и вечной путанице» [11, р. 246, ер. 47.26–40].

Письмо было написано осенью 999 г., вскоре после завершения похода Василия II в Сирию. Годом ранее византийская армия потерпела от арабов тяжелое поражение при Апамее. Греки понесли большие потери, причем среди погибших был дука Антиохии патрикий Дамиан Далассин. Император предпринял ответный поход, стараясь нанести противнику максимальный экономический ущерб. В течение нескольких месяцев византийские войска действовали на территории Сирии, продвинувшись на юг до Хомса и Триполи. Прибрежная пограничная область вокруг Латтакии была полностью разорена, укрепления разрушены, населенные пункты уничтожены, а местные жители уведены в плен [3, с. 46–47].

Характерно, что при описании трудностей походной жизни Никифор Уран обращается к примерам из греческой мифологии. Он цитирует Гомера, сравнивая византийский военный лагерь с полевым укреплением троянцев: «Ибо когда озирает он (Агамемнон. – К. К.) троянский стан, удивлялся // Их огням неисчетным, пылающим пред Илионом, // Звуку свирелей, цевниц и смятенному шуму народа» (Ном. II., X.11–13).

Мифологические сюжеты постоянно использовались Никифором Ураном в своих посланиях. Примером может служить письмо судьбе Павлу. В нем дука Антиохии убеждал чиновника милостиво огнестись к некому патрикию. Призывая судью проявить снисхождение, он приравнивал милосердие к победе в борьбе со злом, а также утверждал, что филантропия является оружием, способным сокрушить любую несправедливость [11, р. 234–235, ер. 35.15–24]. Для подтверждения своих доводов Никифор упомянул о первой попытке ахейцев напасть на Трою. Тогда, не зная верного пути, они вместо Илиона обрушились на Мисию. Местный царь Телеф, сын Геракла, сразился с ними, но был ранен Ахиллом и потерпел неудачу. Однако впоследствии Телеф примирился с ахейскими царями, исцелился от своей раны и указал Ахиллу морской путь к Трое [11, р. 234, ер. 35.1–8; 7, р. 186, E 17; 188–190, E 20].

Большинство сохранившихся писем Никифора Урана были адресованы людям, которых он знал много лет. Например, в послании своему давнему другу патрикию Мануилу он с горечью писал: «Я не могу вынести всю ту боль, что окружает меня плотным кольцом из суровых битв, вечной усталости, потери родителей и друзей» [11, р. 236, ер. 36.2–3]. Никифор жалуется своим друзьям на спартанские условия походной жизни, чувство постоянного страха, непрерывный шум военного лагеря, не позволяющий заснуть. При этом сложно определить, являлись ли его слова искренними, или же Никифор старался продемонстрировать собственную смелость и самоотверженность. По нашему мнению, следует согласиться с Ж. Даррузе, считавшим, что он следовал за императором на войну «храбро, но без особого желания» [11, р. 246, n. 21].

Судя по сохранившимся сведениям источников, Никифору Урану была присуща вера в справедливость, умение быстро принимать важные решения, способность вникнуть в суть любого административного вопроса, а также талант использовать любые, даже самые неблагоприятные, обстоятельства в свою пользу. Современники и авторы исторических хроник XI в. отзываются о нем только положительно. Даже беспристрастный Иоанн Скилица считал Никифора «человеком, исполненным чести и благородства», называл его «умиротворителем Сирии» и «знаменитым магистром Антиохии старых времен» [16, р. 327.34; 345.35–37; 483.5–6]. Кроме этого, автор «Обзора историй» упоминал о Никифоре в эпизоде, посвященном завершению византийско-болгарской войны. В 1018 г. император Василий отправился в Афины. «Когда он проезжал Зетуний (Ζητούνιον, Λάμια), то ему показали кости болгар, которые пали в этом месте, когда магистр Никифор Уран разгромил Самуила» [16, р. 364.76–78]. Сам военачальник умер за несколько лет до этих событий, в 1010/1011 году. Однако память о нем и его победе сохранилась.

Никифор Уран хорошо осознавал свою значимость для созданной Василием II системы военно-административного управления империи. Прежде всего, об этом свидетельствует принадлежавшая ему печать, опубликованная Э. Макгилом. Надпись этого моливдовула уникальна:

«Богородица, помоги своему рабу Никифору Урану, магистру и хозяину Востока» (Θεοτόκε βοήθει τῷ σῶ δουλῷ Νικηφόρῳ μαγίστρῳ τῷ κρατοῦντι τῆς Ἀνατολῆς τῷ Οὐρανῷ) [19, p. 139].

Не вызывает сомнений, что Никифор Уран был наиболее яркой и неординарной личностью в окружении Василия II. Его роль в административных преобразованиях, а также определении военной политики Византии в конце X – начале XI в. очевидна. Отношение к войне у этого гражданского чиновника, волей императора отправленного командовать войсками, было очень сложным. По всей видимости, до конца жизни война оставалась для Никифора Урана психологическим потрясением. Поэтому его восприятие войны следует определить как симбиоз практического, граничащего с мелочностью, регламентирования и тонкого религиозного чувства, понимающего войну как борьбу добра и зла.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФНФ, проект № 16-31-00027 («Византийская армия в VIII–XI вв.: организационные структуры, командный состав, повседневная жизнь»).

Article was prepared with the financial support of the “Russian Foundation for Humanities”, the project No. 16-31-00027 (“The byzantine army in VIII–XI centuries: organizational structure, command of the armed forces, everyday life”).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Капсалыкова, К. Р. Образы военачальников в историческом сочинении Иоанна Скилицы / К. Р. Капсалыкова // *Античная древность и средние века*. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014. – Вып. 42. – С. 101–110.
- Кучма, В. В. Военно-теоретическая мысль / В. В. Кучма // *Культура Византии (вторая половина VII – XII в.)* / отв. ред. З. В. Удальцова, Г. Г. Литаврин. – М. : Наука, 1989. – С. 276–295.
- Мохов, А. С. «Хозяин Востока» магистр Никифор Уран / А. С. Мохов // *Уральский исторический вестник*. – Екатеринбург, 2011. – № 3 (32). – С. 41–49.
- Мохов, А. С. Основные направления военной политики Василия II / А. С. Мохов // *Византийские очерки : труды российских ученых к XXIII Международному конгрессу византинистов*. – М. ; СПб. : Алетейя, 2016. – С. 134–147.
- Actes de Lavra. Première partie: Des origines à 1204 / éd. par P. Lemerle, A. Guillou, N. Svoronos. – Paris : Éd. P. Lethielleux, 1970. – 447 p.
- Andriollo, L. Aristocracy and literary production in the 10th century / L. Andriollo // *Author in middle Byzantine literature: modes, functions, and identities* / ed. by A. Pizzone. – Boston ; Berlin : De Gruyter, 2014. – P. 119–138.
- Apollodorus: the library / transl. by J. G. Frazer. – L. : W. Heinemann, 1921. – Vol. 2. – 546 p.
- Correspondence of Leo, Metropolitan of Synada and Syncellus / ed. by M. P. Vinson. – Washington, D. C. : Dumbarton Oaks research libr. and coll., 1985. – 143 p. – (Corpus fontium historiae Byzantinae, vol. 23).
- Crostini, B. The emperor Basil II’s cultural life / B. Crostini // *Byzantion*. – Bruxelles : Centre nat. de rech. byzantines, 1996. – Vol. 66. – P. 55–80.
- Dain, A. Les stratégistes byzantins / A. Dain // *Travaux et mémoires*. – Paris : De Boccard, 1967. – Vol. 2. – P. 317–392.
- Épistoliers byzantins du Xe siècle / Éd. par J. Darrouzès. – Paris : Inst. français d’études byzantines, 1960. – 430 p.
- Foucault, J.-A. Douze chapitres inédits de la Tactique de Nicéphore Ouranos / J.-A. Foucault // *Travaux et mémoires*. – Paris : De Boccard, 1973. – Vol. 5. – P. 281–312.
- Halkin, F. Un opuscule inconnu du magistre Nicéphore Ouranos (la Vie de S. Theodore le Conscrit) / F. Halkin // *Analecta bollandiana*. – Bruxelles : Soc. des Bollandistes, 1962. – Vol. 80. – P. 308–324.
- Holmes, C. Basil II and the governance of Empire (976–1025) / C. Holmes. – Oxford : Oxford Univ. Press, 2005. – 625 p.
- Hunger, H. The classical tradition in byzantine literature: the importance of rhetoric / H. Hunger // *Byzantium and the classical tradition: University of Birmingham, Thirteenth spring symposium of Byzantine studies, 1979* / ed. by M. Mullett, R. Scott. – Birmingham : Centre for Byzantine studies Univ. of Birmingham, 1981. – P. 35–47.
- Ioannis Scylitzae Synopsis historiarum / rec. I. Thurn. – Berlin ; N. Y. : De Gruyter, 1973. – 579 p. – (Corpus fontium historiae Byzantinae, vol. 5).
- Lauxtermann, M. D. John Geometres – Poet and Soldier / M. D. Lauxtermann // *Byzantion*. – Bruxelles : Centre nat. de rech. byzantines, 1998. – Vol. 68. – P. 356–380.
- Lauxtermann, M. D. Byzantine poetry and the paradox of Basil II’s reign / M. D. Lauxtermann // *Byzantium in the year 1000* / ed. by P. Magdalino. – Leiden ; Boston : Brill, 2003. – P. 199–216.
- McGeer, E. Tradition and reality in the “Taktika” of Nikephoros Ouranos / E. McGeer // *Dumbarton Oaks Papers*. – Washington, D. C. :

Dumbarton Oaks research libr. and coll., 1991. – № 45. – P. 129–140.

20. McGeer, E. Sowing the dragon's teeth: Byzantine warfare in the tenth century / E. McGeer. – Washington, D. C. : Dumbarton Oaks research libr. and coll., 1995. – 405 p.

21. Meyer, Ph. Die Haupturkunden für die Geschichte der Athosklöster / Ph. Meyer. – Leipzig : J. C. Hinrichs, 1894. – 303 S.

22. Michele Psello. Imperatori di Bisanzio (Cronografia) / introd. di D. Del Corno, testo critico a cura di S. Impellizzeri, comment. di U. Criscuolo, trad. di S. Ronchey. – Fondazione Lorenzo Valla, 1984. – Vol. 1. – 407 p.

REFERENCES

1. Kapsalykova K.R. Obrazy voenachalnikov v istoricheskom sochinenii Ioanna Skilitzy [The Images of Military Commanders in Historical Essay by John Skylitzes]. *Antichnaya drevnost i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages]. Ekaterinburg, Ural Univ. Press, 2014, iss. 42, pp. 101-110.

2. Kuchma V.V. Voенно-teoreticheskaya mysl [The Military and Theoretical Thought]. Udaltsova Z.V., Litavrin G.G., eds. *Kultura Vizantii (vtoraya polovina VII – XII v.)* [Byzantine Culture (Second Half of the 7th-12th cc.)]. Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 276-295.

3. Mokhov A.S. “Khozyain Vostoka” magistr Nikifor Uran [“Master of the East” Magistros Nikephoros Ouranos]. *Uralskiy istoricheskiy vestnik*, 2011, no. 3 (32), pp. 41-49.

4. Mokhov A.S. Osnovnye napravleniya voennoy politiki Vasiliya II [Main Directions of Basil II Military Policy]. *Vizantiyskie ocherki: trudy rossiyskikh uchenykh k XXIII Mezhdunarodnomu kongressu vizantinistov* [Byzantine Essays: Works by Russian Scientists to the 23rd International Congress of Byzantine Scholars]. Moscow; Saint Petersburg, Aletya Publ., 2016, pp. 134-147.

5. Lemerle P., Guillou A., Svoronos N., eds. *Actes de Lavra. Première partie: Des origines à 1204* [Acts of Lavra. Part 1: Originates to 1204]. Paris, P. Lethielleux, 1970. 447 p.

6. Andriollo L. Aristocracy and Literary Production in the 10th Century. Pizzone A. ed. *Author in Middle Byzantine Literature: Modes, Functions, and Identities*. Boston, Berlin, De Gruyter, 2014, pp. 119-138.

7. Frazer J.G., ed. *Apollodorus: the Library*. London, W. Heinemann, 1921, vol. 2. 546 p.

8. Vinson M.P., ed. *Correspondence of Leo, Metropolitan of Synada and Syncellus*. Washington, D.C., Dumbarton Oaks research libr. and coll., 1985. 143 p. (Corpus fontium historiae Byzantinae, vol. 23).

9. Crostini B. The Emperor Basil II's Cultural Life. *Byzantion*. Bruxelles, Centre nat. de rech. byzantines, 1996, vol. 66, pp. 55-80.

10. Dain A. Les stratégistes byzantins [Byzantine Strategists]. *Travaux et mémoires* [Works and Memories]. Paris, De Boccard, 1967, vol. 2, pp. 317-392.

11. Darrouzès J., ed. *Épistoliers byzantins du Xe siècle* [Byzantine Letters of the 10th Century]. Paris, Inst. français d'études byzantines, 1960. 430 p.

12. Foucault J.-A. Douze chapitres inédits de la Tactique de Nicéphore Ouranos [Twelve Unpublished Chapters of Tactics by Nikephoros Ouranos]. *Travaux et mémoires* [Works and Memories]. Paris, De Boccard, 1973, vol. 5, pp. 281-312.

13. Halkin F. Un opuscule inconnu du magistre Nicéphore Ouranos (la Vie de S. Theodore le Conscrit) [An Unknown Opuscule of Magister Nikephoros Ouranos (Life of St. Theodore the Conscript)]. *Analecta bollandiana*. Bruxelles, Soc. des Bollandistes, 1962, vol. 80, pp. 308-324.

14. Holmes C. *Basil II and the Governance of Empire (976–1025)*. Oxford, Oxford Univ. Press, 2005. 625 p.

15. Hunger H. The Classical Tradition in Byzantine Literature: the Importance of Rhetoric. Mullett M., Scott R., eds. *Byzantium and the Classical Tradition: University of Birmingham, Thirteenth Spring Symposium of Byzantine Studies, 1979*. Birmingham, Centre for Byzantine Studies Univ. of Birmingham, 1981, pp. 35-47.

16. Thurn I., ed. *Ioannis Scylitzae Synopsis historiarum*. Berlin, New York, De Gruyter, 1973. 579 p. (Corpus fontium historiae Byzantinae, vol. 5).

17. Lauxtermann M.D. John Geometres – Poet and Soldier. *Byzantion*. Bruxelles, Centre nat. de rech. byzantines, 1998, vol. 68, pp. 356-380.

18. Lauxtermann M.D. Byzantine Poetry and the Paradox of Basil II's Reign. Magdalino, P., ed. *Byzantium in the Year 1000*. Leiden, Boston, Brill Publ., 2003, pp. 199-216.

19. McGeer E. Tradition and Reality in the “Taktika” of Nikephoros Ouranos. *Dumbarton Oaks Papers*. Washington, D.C., Dumbarton Oaks research libr. and coll., 1991, no. 45, pp. 129-140.

20. McGeer E. *Sowing the Dragon's Teeth: Byzantine Warfare in the Tenth Century*. Washington, D. C., Dumbarton Oaks research libr. and coll., 1995. 405 p.

21. Meyer Ph. *Die Haupturkunden für die Geschichte der Athosklöster* [Main Documents on the History of the Athos Monasteries]. Leipzig, J.C. Hinrichs, 1894. 303 p.

22. Impellizzeri S., ed. *Michele Psello. Imperatori di Bisanzio (Cronografia)* [Michael Psellos. Byzantine Emperors (Chronography)]. Fond. Lorenzo Valla, 1984, vol. 1. 407 p.

Information About the Author

Karina R. Kapsalykova, Postgraduate Student, Department of Ancient and Medieval History, Ural Federal University, Mira St., 19, 620002 Ekaterinburg, Russian Federation, carinne.kapsalikova@gmail.com.

Информация об авторе

Карина Рамазановна Капсалькова, аспирант кафедры истории древнего мира и средних веков, Уральский федеральный университет, ул. Мира, 19, 620002 г. Екатеринбург, Российская Федерация, carinne.kapsalikova@gmail.com.